

МИРЫ МАКСИМА ОРЛОВА

КНИГА : ПЛАЧ

ИСЛА – ЭТО ПУТЬ.

АЗАЛ, НАКВАЮИ

ЕСЛИ, СЛЫШИШИ

ГОЛОС, НЕ ОТВЕЧАЙ

2016.03.23

Максим Орлов

Плач

<https://litres.ru/74184438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга 1: Плач» — научно фантастический боевик о цене свободы и силе, которая рождается из боли.

Рейдер «Плач» — не корабль, а лоскутное одеяло из чужой боли и упрямства. Его капитан Северов больше не убегает: он сознательно становится мишенью, чтобы дать шанс выжить другим. В его команде — сёстры навигаторы Ева и Лира, чьи способности перекраивают законы пространства, и те, кто научился выживать на грани.

Их враг — Корпорация Вейла и её правая рука, расчётливый Хейл, для которого люди — разменные фигуры. Проход сквозь аномалию «Кресты Близнецы», пре-дательство, ультиматумы и сделки с пустотой — каждый шаг стоит чьей то жизни.

Содержание

Пролог. В чёрном бархате скорбь	4
Глава 1. Чёрная черта	8
Глава 2. Там, где правит свинец	13
Глава 3. Свинец и вакуум	18
Глава 4. Сталь и пепел	23
Глава 5. Ключ и пепел	29
Глава 6. Пульс мёртвых звёзд	36
Глава 7. Хребет спящего зверя	40
Глава 8. Рынок мёртвых морей	45
Глава 9. Чистый костюм среди ржавчины	51
Глава 10. Ловушка в доке	58
Глава 11. Обратная волна	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Максим Орлов

Плач

Пролог. В чёрном бархате скорбь

Корабль не гудел — он стонал. Звук шёл не из динамиков, а прямо сквозь палубу, через подошвы ботинок, в зубы. Это был голос двигателя: низкий, прерывистый, будто кто-то зажимал горло умирающему киту.

Капитан стоял на обзорной палубе. Перед ним не было экранов — только бронестекло толщиной в ладонь, исчерченное микротрещинами от столкновений с пылью. За стеклом космос не мерцал звёздами, он был чёрным, как бархат, который выжгли и закоптили. Ни один фотон не хотел задерживаться в этой части Пути.

На голографе, едва заметном в полумраке, пульсировали две точки. Капитан называл их про себя «Крестами». Две нейтронные звезды-близнецы. Их излучение не оставляло шансов ни электронике, ни живым. Под ними, в гравитационном кармане, остывали тела его бывшей команды. Без скафандров. Без последнего слова. Просто приказ шлюза и тишина.

Он сделал глоток из фляги. Синтетический спирт пах озонном и горелой изоляцией — так всегда пахло после пробоя

щита. Вкус был знакомый, почти родной. Он ненавидел его.

Палуба дрогнула. Не от залпа, не от удара — от внутреннего спазма реактора. Система жизнеобеспечения хрипела, как старый человек, забывший, как дышать. На панели мигнул индикатор: температура в отсеках падает. Ещё немного — и металл начнёт крошиться от холода.

Капитан не смотрел на индикаторы. Он смотрел на «Кресты». Они росли, наливались тусклым, мертвенным светом. Патруль Корпорации должен был появиться здесь в течение часа. Может, меньше.

Кто-то за спиной кашлянул. Это был старшина абордажной команды, единственный, кто ещё оставался на мостике.

— Капитан, мы не протянем долго. Если они зайдут с кормы, у нас не будет даже шанса на манёвр.

Капитан медленно повернул голову. В полумраке лицо старшины казалось вырезанным из тёмного камня.

— Шанс есть всегда, — сказал капитан. — Вопрос в том, какой ценой.

Старшина хотел что-то добавить, но капитан поднял руку. Не жест приказа — жест тишины.

— Слушай, — прошептал он. — Слышишь?

Старшина замер. И тогда они оба услышали это: не гул двигателей, не шипение вентиляции, а ту самую тишину, которая бывает только в космосе. Тяжёлую, плотную, как слой пыли на неработающих приборах. Она давила на уши, на грудь, на память.

— Это тишина после крика, — тихо произнёс капитан. — После того, как все уже сказали всё, что могли.

Старшина кивнул, хотя не понял до конца. Он просто знал, что сейчас не время для вопросов.

Голограф мигнул. На границе сектора появилась новая метка. Маленькая, но уверенная. Патрульный корвет Корпорации. Он шёл ровно, как по линейке, без лишних манёвров. Для них это был обычный рейд. Для капитана — последний рубеж.

Капитан поставил флягу на пульт. Металл звякнул о металл — звук был неожиданно громким в этой тишине.

— Поднять щиты, — спокойно сказал он. — Зарядить рельсы. Мы не будем прятаться.

Старшина помедлил секунду, потом кивнул и ушёл в тень коридора.

Капитан снова посмотрел на «Кресты». Под ними остывали его братья. Над ними шёл враг. А между ними — он. Человек, который однажды выбрал не ту сторону, чтобы спасти тех, кого уже не спасти.

И теперь он выбирал снова.

Пропущенная первая глава — это мост между личным адом капитана (Пролог) и машинным адом его команды (Глава 2). Она должна объяснить, *почему* старшина зашел на мостик именно сейчас, откуда взялась эта тяжелая тишина в вентиляции и как выглядит «цена», о которой говорил капитан.

В этой главе мы спускаемся с капитанского мостика вниз, к сердцу корабля. Фокус смещается с экзистенциальной тоски на тактильную усталость людей, которые готовятся убивать по приказу человека, уже наполовину мертвого.

Глава 1. Чёрная черта

Старшина не любил ходить на верхнюю палубу. Там пахло озоном от пробитых щитов, одиночеством и синтетическим спиртом. Там стоял капитан, глядя на свои Кресты. Старшине хватало своих крестов здесь, внизу — сварных швов на переборках, покрытых копотью ровно на уровне груди.

Он шел по главной жиле корабля, придерживаясь рукой за теплый поручень. Рейдер назывался «Плач», но внутри он дышал сухим, раскаленным жаром. Система охлаждения захлебывалась.

Тишина, которую они слышали наверху, рождалась здесь. Вентиляционные шахты гнали воздух через забитые пеплом фильтры, и турбины просто встали, экономя каждый эрг энергии для накопителей главного калибра. Корабль добровольно душил сам себя ради одного-единственного выстрела.

Центральный оружейной отсек встретил его лязгом. Здесь не было места рефлексии. Здесь был только металл. Оружейная палуба класса «Костолом» занимала три уровня. Снизу доверху она была опутана кабелями жидкостного охлаждения. Сейчас азот в них почти выдохся: трубы покрылись толстой коркой инея, которая трескалась под пальцами, а из микротрещин валил белый пар.

— Ты рано, — прохрипел старший механик Грива, даже

не обернувшись. Его лицо закрывал щиток старого сварочного шлема, изнутри заляпанный желтой копотью. Из-под шлема тянуло дешевым табаком и перегаром. — Накопители еще сытые. Жрать просят через час.

— Капитан велел готовить рельсы, — сказал старшина, перешагивая через лужу химиката на полу. Кто-то опять разбил ампулу стимулятора. — Он хочет встретить патруль во всеоружии.

Грива издал звук, похожий на скрежет несмазанной шестерни. Это был смех. — Во всеоружии? Мы сами себе оружие, Змей. Если реактор даст хотя бы на два процента больше тока, обмотки поплывутся. А если дадим меньше — снаряд застрянет в разгонной трубе, и нас размажет по корме собственным импульсом. Какое, к демонам, «всеоружие». Это ритуальное самоубийство со вкусом меди.

Старшина подошел к казеннику. Пушка молчала, но вибрация от нее шла такая, что зубные пломбы едва держались. У рычагов ручного ввода данных сидел Зяма. Самый молодой в экипаже, взятый полгода назад после рейда на рудники Харона. Тогда у него были глаза испуганного подростка. Сейчас радужку полностью сожгло хроническое излучение катушек — белки стали мутно-розовыми, слепыми, а зрачки превратились в две черные точки. Он смотрел на гололит с баллистическими кривыми, и его кадык непрерывно дергался.

— Давление в четвертой секции падает, — монотонно

бубнил Зяма. Голос у него сел навсегда, теперь он говорил только шепотом. — Я ввожу поправку на гравитацию Ближнецов. Отклонение ноль-три. Если Навигатор снова ошибется с углом входа... — Заткнись и крути рычаги, — оборвал его Грива. Он ударил гаечным ключом по гулкой цистерне с охладителем. Металл отозвался низким, утробным стоном. — Твой Навигатор считает курс так же верно, как я читаю молитвы. Нас спасет только случай.

Старшина посмотрел на термометр главной шины. Стрелка дрожала в красной зоне. По стеклу пошла паутинка трещин — металл остывал снаружи от азота и расширялся изнутри от жара реактора. Корпус плакал.

— Что на мостике? — спросил Грива, наконец снимая шлем. Лицо под ним было красным, обожженным, пересеченным старым шрамом от плазменного ожога. Один глаз заставляла молочная пленка бельма. — Опять пьет свою отраву?

— Слушает тишину, — ответил старшина. — Сказал, вопрос в цене.

Грива сплюнул прямо на палубу. Слюна зашипела на горячем металле. — Цена всегда одна, Змей. Наша. Капитан платит чужими жизнями десять лет. Пора бы ему начать платить своей. Или твоей. Моей. Иначе этот кусок железа развалится раньше, чем мы выйдем на дистанцию залпа.

Именно в этот момент корабль вздохнул. Всей стальной грудью. Где-то глубоко в недрах «Плака» сработали гигант-

ские пневмозамки. Раздался звук, похожий на втягиваемый сквозь сжатые зубы воздух, а затем — тяжелый, резонирующий удар.

Свет на палубе моргнул и стал багровым.

— Вот и накаркал, — спокойно сказал Грива. — Реактор сбрасывает излишки напрямую в корпус. Щиты Корпорации начали сосать из нас соки. Теперь либо мы их выжжем дотла...

Механик замолчал, натягивая обратно раскаленный шлем. Доделывать фразу не требовалось. Либо они сгорят заживо в собственных магнитных полях.

Зяма у рычагов вдруг улыбнулся беззубым ртом. Розовые глаза смотрели в никуда, но пальцы легли на холодный чугун безошибочно точно.

Старшина развернулся и пошел обратно к лифту. Воздух в коридорах становился густым, тяжелым, им невозможно было дышать. На нижней палубе кто-то начал тихо, на одной ноте, выводить старую тюремную песню. Остальные подтягивали — глухо, хрипло, без слов. Они пели не для бога и не для капитана. Они настраивали свои глотки в резонанс с вибрацией рельсотрона, пытаясь обмануть страх ритмом.

На обзорной палубе капитан сделал еще один глоток. Спирт обжег горло, но не принес тепла. Зато он почувствовал ее — изменение дыхания корабля. Глубокий, болезненный вдох перед ударом.

Капитан подошел к бронестеклу. Красное аварийное освеще-

щение окрасило космос в цвет запекшейся крови. Черный бархат исчез. Теперь там была только пустота, готовая принять свинец.

Глава 2. Там, где правит свинец

Фокус: Рубка патрульного корвета К-417 «Стальной». Взгляд со стороны врага.

Свет здесь был белым. Не мертвенным светом нейтронных звезд, а стерильным люминесцентным сиянием, которое выжигало тени из углов. Воздух пах озоном иначе — не гарью после пробоя, а химической чистотой фильтров тонкой очистки.

Лейтенант Навин смотрел на гололит, подперев подбородок кулаком. На его планшете мигал регламент стыковки с заправочной станцией через шесть часов. Жизнь лейтенанта состояла из зеленых галочек в чек-листах.

— Сектор пуст, — доложил оператор дальнего сканирования, не отрываясь от своего стакана с белковым коктейлем. — Только помехи от Близнецов. Если верить приборам, там вообще ничего нет. Гравитационная тень сожрала все эхо.

— Запиши как «аномалия фона», — лениво бросил Навин. — И переключи климат-контроль, у правого борта опять дует. Мне не нужен насморк перед концом смены.

Оператор пожал плечами. Для него черный бархат за бортом был просто рабочим пространством, размеченным сеткой координат. В этом пространстве не было места призракам. Призраки не платят налоги и не нарушают протоколы навигации.

Внезапно по белой обшивке стен прошла короткая вибрация. Тонкая, едва заметная дрожь, похожая на удар пальцем по краю бокала.

Навин замер. Коктейль в руке оператора пошел рябью.

— Что это было? — голос лейтенанта потерял свою вальяжность. — Инженерный? — рявкнул он в интерком. — Отчет! Динамики ответили только тяжелым статическим шипением. А затем тишиной. Той самой тяжелой, давящей тишиной, которая бывает только тогда, когда отключается принудительная вентиляция.

— Питание просело на два процента, — севшим голосом сообщил оператор. — Резервные контуры... они тоже гаснут. По всей правой дуге.

Белый свет моргнул и сменился тусклым аварийным красным. Это была не поломка. Это было поглощение. Черный корабль впереди не стрелял из главного калибра — он просто включил свои системы, высосав энергию из пространства вокруг себя, чтобы напитать собственные щиты. Он пил их жизнь через вакуум.

— Боевая тревога! — сорвался Навин, вскакивая с кресла. Голос сел, превратившись в хрип. — Щиты на максимум! Маневр уклонения! Кто-нибудь, скажите мне, что у нас есть целеуказание!

Но целеуказания не было. Радары слепли. Оптические сенсоры захлебывались в белом шуме. Лейтенант Навин впервые за пять лет службы понял, что зеленый галочки в

его планшетах больше ничего не значат. Перед ними был не пиратский катер. Перед ними была бездна, обретшая форму.

Резкий скачок. Фокус: Орудийная палуба рейдера.
Взгляд изнутри жара.

Здесь не было белого света. Здесь царило оранжевое море раскаленной оптики и багровое пламя индикаторов перегрузки. Вместо запаха химии — густая вонь горелого машинного масла, кислого пота и жженой меди.

Старшина вошел в подбашенное отделение, и тяжелая герметичная дверь отсекала звуки мостика. Остался только гул. Физический, осязаемый низкочастотный рев, от которого крошились зубы, а глазные яблоки вибрировали в орбитах.

Рельсовая пушка занимала почти весь объем палубы. Это была не изящная труба, а двадцатиметровая кишка из магнитных катушек, обмотанная кабелями охлаждения толщиной с человеческую ногу. Сейчас кабели пульсировали, покрываясь инеем — жидкий азот пытался забрать излишки тепла, но проигрывал.

У казенника, прямо под затвором, сидел наводчик Зяма. Его комбинезон пропитался потом насквозь, волосы стояли дыбом от статики. Он держал руки на двух чугунных рычагах ручного ввода данных. Автоматика слеpla от Крестов, поэтому баллистику считали люди. Жилы на шее Зямы вздулись так, что казалось — кожа сейчас лопнет.

— Тридцать секунд до выхода накопителей на пик! —

прохрипел старший механик, чье лицо скрывалось за щитком тяжелого сварочного шлема. Из-под щитка текли струи едкого дыма — система фильтрации давно сгорела. — Еще один импульс, и обмотки поплывут к чертовой матери! Нас самих наматает на рельсы вместе со снарядом!

Старшина подошел к главной консоли. Под ногами хрустнула стеклянная ампула. Кто-то разбил ее, пытаясь снять нервное напряжение — дешевый химический стимулятор теперь липкими пятнами растекся по полу.

— Где капитан? — проорал старшина, склонившись к уху механика. — На мостике штаны протирает! — огрызнулся тот. — Говорит, ждать визуального контакта! Какого демона нам тут жариться заживо ради его эстетики?!

Старшина размахнулся и ударил механика открытой ладонью по нагруднику. Звук получился мясистым, влажным. Шлем слетел с головы техника, открыв бледное, ошарашенное лицо.

— Капитан платит кровью, — тихо, но так, чтобы услышал каждый в отсеке, сказал старшина. — Ты платишь потом. Закрой рот и следи за давлением. Или твои кишки станут отличным проводником для следующего выстрела.

Механик сглотнул слюну, подобрал шлем и молча вернулся к панели. Зяма у рычагов издал странный булькающий звук — то ли смех, то ли рыдание. Его пальцы побелели от напряжения, удерживая курс снаряда вопреки гравитации мертвых звезд.

В этот момент по внутренней связи раздался спокойный, ледяной голос капитана: — Залп по моей команде. Цельтесь им в реактор. Я хочу, чтобы они увидели свои внутренности прежде, чем закипят.

Старшина посмотрел на термометр. Стрелка перешла красную черту и билась о металлический ограничитель. Металл вокруг них начал тихонько петь — тоненько, на грани слышимости, готовясь расплавиться.

Они были уже внутри смерти. Оставалось только нажать на спуск.

Принимаю вектор. Ты не просто сталкиваешь две стороны — ты сталкиваешь два разных способа чувствовать реальность: стерильную предсказуемость Корпорации и грубую, обжигающую физику пиратского корабля. И тишина как общий знаменатель работает идеально: она одинаково страшна и в стерильной рубке, и в ревущем отсеке.

Ниже — продолжение: **Глава 3. Свинец и вакуум.** Сцена залпа без «слоумо»: только боль, инерция и физика, которая ломает людей.

Глава 3. Свинец и вакуум

Фокус: Орудийная палуба рейдера. В ту самую секунду, когда капитан произносит «Залп».

Слово прозвучало в ушах старшины не как приказ, а как щелчок предохранителя у виска. Он успел только подумать: «Сейчас нас всех размажет по переборкам», — и мир превратился в сплошной удар.

Рельсотрон не выстрелил — он закричал. Это был не хлопок и не вспышка. Это был рев, который начинался где-то в костях и заканчивался в глазах. Металл вокруг запел на одной высокой ноте, от которой лопались барабанные перепонки. Старшина почувствовал, как зубы крошатся в пыль от вибрации, а язык прикусывается сам собой.

Зяма у рычагов не успел даже закричать. Его пальцы побелели, суставы хрустнули, когда инерция рванула рычаги назад. Он держался не силой — он держался страхом: если отпустить, снаряд уйдет в переборку, и палубу разорвет изнутри.

— Держи! Держи, мать твою! — проорал старшина, но собственный голос утонул в гуле. Он видел, как по кабелям охлаждения ползет иней, а следом за ним — тонкие трещины. Жидкий азот вырывался наружу белыми струями, мгновенно превращаясь в ледяную пыль. Холод жалил кожу, как осколки стекла.

Старший механик, теперь уже без шлема, прижимал ладонь к панели, будто мог удержать её силой. По его лицу текла кровь из носа — капли не падали, они размазывались по коже, потому что палуба уже начала проседать под собственным весом. Металл терял жесткость, становясь мягким, как перегретый воск.

Накопители мигнули и погасли. На долю секунды наступила тишина — та самая, которую боятся артиллеристы. Она означала, что энергия ушла в снаряд. А потом тишина взорвалась.

Снаряд массой в полтонны сорвался с направляющих. Его не было видно — только ослепительнобелая линия, прожигающая воздух. За ним тянулся шлейф ионизированного газа, похожий на хвост кометы, только этот хвост был горячим, как солнце.

Палуба под ногами ушла вниз. Не просто трянуло — она прогнулась, как лист жести под ногой гиганта. Старшина рухнул на колени, чувствуя, как металл под ним плавится и течет, словно горячий воск. Где-то рядом лопнул трубопровод, и струя перегретого пара ударила в переборку с шипением, похожим на смех.

И вдруг — тишина. Настоящая, вакуумная. Не отсутствие звука, а его полное уничтожение. Старшина понял, что оглох. Он видел, как механик открывает рот, кричит, но не слышал ни слова. Только чувствовал вибрацию по полу, по коленям, по груди.

А потом пришел удар. Не от выстрела, а от ответного залпа.

Резкий скачок. Фокус: Рубка патрульного корвета К417 «Стальной».

Лейтенант Навин успел только схватиться за подлокотники кресла. Мир вокруг него не взорвался — он сломался. Белый стерильный свет погас, сменившись красным, а затем вообще ничем. Тишина наступила раньше, чем он понял, что это тишина, а не просто шум в ушах.

Он чувствовал запах. Не озон, не химию фильтров. Это был запах горелой изоляции, раскаленного металла и чего-то сладковатого, что бывает только при перегреве биосистем.

— Щиты! — прохрипел он, но динамики молчали. Он пытался вызвать инженерный отсек, но в наушниках была только мертвая тишина.

На гололите вспыхнула однаединственная строка: «КРИТИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ. РЕАКТОР: 12 % СТАБИЛЬНОСТИ».

Оператор, который еще минуту назад лениво помешивал белковый коктейль, теперь вцепился в свой стул так, что побелели костяшки. Его глаза были расширены, а лицо — бледным, почти прозрачным.

— Это был не залп, — прошептал он. — Это был удар молота по стеклу.

Навин посмотрел на обзорный экран. Там, где раньше была пустота, теперь была тонкая белая линия, ползущая к ним

сквозь тьму. Она двигалась слишком ровно, слишком быстро. И она росла.

— Уклониться — начал Навин, но закончить не успел.

Удар пришелся не по щитам. Он пробил их, как нож сквозь бумагу, и ударил прямо в реакторный отсек. Корабль дернулся, как раненое животное. Палуба ушла изпод ног, и Навин почувствовал, как его тело на секунду стало невесомым, а потом с силой ударилось о пол.

Воздух стал горячим и густым, как суп. Из вентиляционных решеток повалил дым, густой и черный, пахнувший горелой проводкой и пластиком.

— Реактор нестабилен! — закричал кто-то, но голос тонул в треске помех. — У нас десять минут до расплавления активной зоны!

Навин поднялся на колени, хватая ртом горячий воздух. Он больше не думал о чеклистах, о зеленых галочках, о регламенте стыковки. Он думал только об одном: как выжить в этой металлической коробке, которая вотвот превратится в печь.

В этот момент по внутренней связи раздался спокойный, ледяной голос, который он слышал только в учебных тревогах:

— «Стальной», это рейдер. У вас пять минут до полной декомпрессии. Если хотите жить — откройте шлюзы и выходите без оружия. Мы заберем только данные.

Навин замер. Он смотрел на гололит, на мигающие пре-

дупреждения, на тонкую белую линию, которая теперь была не просто следом снаряда, а шрамом на корпусе их корабля.

Он знал, что это не предложение. Это был приговор. И он знал, что зеленые галочки больше ничего не значат.

Глава 4. Сталь и пепел

Фокус: Шлюзовой отсек рейдера «Плач».

Здесь не было шлюзов в привычном смысле — только стыковочные захваты-«челюсти», которые вцеплялись в борт врага намертво. Сейчас эти челюсти дрожали от напряжения: «Стальной» пытался вырваться, дергаясь, как загнанный зверь, но гравитационные якоря рейдера держали его мертвой хваткой.

Старшина натягивал тяжелый абордажный скафандр. Ткань комбинезона была пропитана огнеупорной смолой, от которой пахло горелым сахаром. Перчатки он не застегивал — в тесном шлуме это только мешали.

Рядом Зяма, уже в скафандре, проверял магнитные ботинки. Его розовые глаза в отражении визора казались еще более неживыми.

— Ты уверен, что сможешь держать вектор? — спросил старшина. — Если переборку поведет от удара, стык лопнет, и нас размажет по обоим кораблям. — Вектор держу, — прошептал Зяма. — Я чувствую его. Как пульс. Старшина хмыкнул. Он не верил в предчувствия, но верил в то, что Зяма чувствует вибрацию корабля кожей. В этом мире это было почти то же самое.

За переборкой раздался тяжелый, утробный скрежет. Металл терся о металл, выдавливая из себя последние крохи

прочности.

— Стыковка завершена, — прохрипел динамик на переборке. Голос был искажен помехами, но старшина узнал Гриву. — Давление выравнивается. Но не жди чудес: корпус «Стального» дышит, как загнанная лошадь. Если они дернутся, стык не выдержит.

Старшина кивнул, хотя его никто не видел. Он подошел к люку. На внутренней стороне крышки кто-то выцарапал старую примету: «Не свисти в шлюзе — накличешь вспышку». Он не свистнул. Он вообще старался не дышать лишний раз.

Люк открылся с тяжелым вздохом. За ним был не коридор, а рваная дыра в обшивке «Стального», обрамленная оплавленными краями. Воздух из отсека высасывало в стык, унося с собой запах гари и чего-то сладковатого — так пахнет перегретая биосистема жизнеобеспечения.

Первой в пролом шагнула абордажная группа. Их движения были резкими, угловатыми, как у кукол на нитках. Магнитные ботинки щелкали по металлу, примагничиваясь и снова отрываясь.

В этот момент из темноты коридора «Стального» ударила короткая очередь из импульсного пистолета. Пули не летели — они прыгали, рикошета от переборок, высекая искры. Один из абордажников рухнул, его скафандр зашипел, когда в трещину хлынул горячий воздух.

Старшина не успел даже выругаться. Он просто шагнул вперед, закрывая собой проем, и ударил по панели стыка.

Люк за его спиной начал закрываться.

— Держите стык! — рявкнул он в гарнитуру. — Если он лопнет, нас всех высосет в вакуум!

Из темноты вышел человек. Не в тяжелом скафандре, а в легкой броне пилота, с коротким вибро-клинком в руке. Лицо было скрыто под шлемом, но по стойке, по тому, как он держал клинок, старшина сразу понял: это не рядовой охранник. Это тот, кто привык убивать быстро и молча.

Человек сделал шаг, и в этот момент стык дрогнул. Корабль «Стальной» дернулся, пытаясь сбросить захват. Переборка застонала, металл пополз.

И тут из темноты, прямо над головой старшины, мелькнула тень. Что-то маленькое, стремительное, почти невесомое. Это была Ева.

Она не шла — она летела, отталкиваясь от переборок в коротких прыжках микрогравитации. Ее шлем был откинут, лицо было бледным, но глаза горели. В руке она держала не оружие, а кусок трубы с приваренным штырем — импровизированный гарпун.

Она ударила абордажника сбоку, сбив его с ног. Тот рухнул на палубу, и Ева тут же прыгнула дальше, уходя от ответного удара.

Старшина замер на секунду, не понимая, что происходит. А потом он увидел капитана.

Капитан стоял в проеме, не в скафандре, а в своем обычном потертом кителе, с вибро-саблей в руке. Он не спешил.

Он смотрел на Еву. И в его взгляде было не удивление, а узнавание — будто он всю жизнь ждал именно этого момента.

— Не убивайте её, — тихо, но так, чтобы услышали все, сказал капитан. — Она моя.

Ева услышала. Она замерла на секунду, балансируя на краю рваной переборки. Её глаза встретились с глазами капитана. И в этой секунде было всё: и страх, и ярость, и странное, невозможное облегчение.

А потом стык окончательно лопнул.

Переборка между кораблями не выдержала. Металл, и без того ослабленный пробоинами и перегревом, разошелся с визгом, похожим на крик раненого зверя. Вакуум ворвался в коридор, высасывая воздух, тепло, звук.

Люди падали, срывались с магнитных ботинок, их уносило в темноту. Старшина успел схватиться за поручень. Зяма рядом с ним вцепился в переборку так, что побелели костяшки.

Капитан сделал шаг вперед, но Ева опередила его. Она прыгнула, целясь в узкий мостик между двумя отсеками. Её движение было отчаянным, но точным. В последний момент капитан выбросил руку и поймал её за запястье.

Их взгляды снова встретились. И в этот раз капитан не сказал ни слова. Он просто кивнул.

Стыковочный узел развалился окончательно. «Плач» и «Стальной» начали расходиться, как два смертельно ранен-

ных зверя, которые больше не могут держаться друг за друга.

По внутренней связи раздался голос Гривы, искаженный помехами и треском статики:

— Мы теряем стык! Тянем назад! Сейчас же!

Капитан отпустил запястье Евы, но не отошел. Он стоял между ней и вакуумом, закрывая её собой.

— Уходим, — спокойно сказал он. — Но её забираем.

Абордажники, кто еще мог двигаться, начали отступать к шлюзу. Ева шла последней. Она не смотрела на капитана. Она смотрела на то, как между кораблями растет черная пропасть.

Когда люк захлопнулся, и давление начало выравниваться, старшина сорвал шлем. Воздух внутри шлюза был горячим, густым, пах озоном и кровью.

Зяма стоял, прислонившись к переборке, и тихо, одними губами, напевал ту самую тюремную песню. Только теперь в ней не было ритма. Только хриплый, прерывистый шепот.

Капитан подошел к Еве. Она стояла, опустив голову, тяжело дыша. Её пальцы сжимали импровизированный гарпун, будто это была единственная вещь, которая держала её на ногах.

— Ты не пленница, — сказал капитан. — Ты — ключ.

Ева подняла голову. В её глазах не было страха. Только усталость и что-то похожее на горькую усмешку.

— К чему? — спросила она. — К твоей мести?

Капитан не ответил. Он просто посмотрел на неё. И в этом

взгляде было столько боли, что Ева впервые за долгое время почувствовала, что она не одна в этой пустоте.

Глава 5. Ключ и пепел

Фокус: Капитанская рубка рейдера «Плач».

Вибрация двигателей стихла, перейдя в глухое, утробное ворчание. Корабль больше не стонал — он тяжело, болезненно дышал, зализывая раны после рывка. Давление выровнялось, но воздух внутри всё еще казался густым, пропитанным чужой смертью и жженым пластиком.

Капитан сидел в своем кресле. Он так и не снял потерянный китель. На правом предплечье медленно затягивался глубокий порез — вибро-клинок пилота «Стального» прошел вскользь по кости. Кровь уже свернулась черной коркой. Боль была терпимой. Терпимая боль — единственное, что напоминало ему о том, что он всё еще жив.

На столике рядом стояла алюминиевая кружка. От нее поднимался густой, жирный пар. Чифир обжигал губы, оседал горькой смолой на языке и бил в голову тяжелее синтетического спирта. Капитан сделал глоток и посмотрел на голограф.

«Стальной» уходил прочь. Изуродованный, потерявший треть корпуса вместе со шлюзовым отсеком, он оставлял за собой длинный хвост замерзшего кислорода и мусора. Патрульный корвет превратился в дрейфующий склеп. Грива вывел «Плач» из-под огня идеально — ни одного лишнего микрона траектории, сожравшего бы остатки энергии щи-

тов.

— Жить будут, — прохрипел динамик голосом старшины. — У них пробоина ниже ватерлинии, но герметичность держат. Дотянут до базы Синдиката на честном слове и одном крыле. — Пусть живут, — ответил капитан, не поворачиваясь. — Их смерть нам ничего не даст. Пока.

Дверь рубки прошипела гидравликой. Старшина вошел внутрь, стаскивая с головы шлем. Его лицо было серым от усталости, вдоль скулы тянулся свежий ожог. За его спиной маячила фигура Евы. Она вошла без приглашения. Магнитные ботинки щелкали по палубе слишком громко для этого помещения — звук отдавался эхом от голых переборок.

Старшина хотел что-то сказать, доложить о потерях, но капитан поднял ладонь. Тот молча кивнул, развернулся и вышел, плотно задраив люк изнутри.

Они остались втроем. Капитан, Ева и пустота.

Ева подошла ближе. Она тоже не сняла броню, только растянула воротник. На бледной шее, чуть ниже ключицы, темнело клеймо. Не татуировка синдикатовских каторжников, не метка раба. Сложная геометрическая вязь, похожая на схему микросхемы, сплетенную с ботаническим орнаментом. Знак ордена Хранителей Траекторий.

Капитан смотрел на клеймо, затем перевел взгляд на её лицо. — Орден давно мертв, — тихо произнес он. — Инженеров вырезали пятнадцать лет назад. Когда Директория решила, что живые навигаторы мешают автоматике считать

налоги. — Я знаю, — голос Евы звучал ровно, но пальцы, сжимавшие гарпун-трубу, побелели. — Меня списали в архив. Ошибка системы. Потом подобрал патруль Синдиката. Хотели продать тому, кто собирает редкие игрушки. — Игрушки умеют убивать? — спросил капитан. Он указал подбородком на трубу в её руках. — Если у них нет другого выбора. — Она положила гарпун на пульт управления. Металл звякнул о металл неожиданно громко. — Зачем ты меня вытащил?

Это был прямой вопрос. Без страха, без дипломатии. Именно поэтому отвечать нужно было честно.

Капитан допил чифир одним долгим глотком. Пустая кружка легла на стол с тяжелым стуком. — Потому что твой генетический маркер совпадает с кодом доступа моего старпома, — сказал он. — Того самого, которого я отдал конкурентам десять лет назад. Вы одной крови. Родство по боковой линии редкое, но считаваемое.

Он замолчал, давая ей переварить информацию. Лицо Евы не дрогнуло, лишь желваки на скулах обозначились резко.

— Мой отец служил в навигационной разведке, — наконец сказала она. — Его казнили за отказ прокладывать курс через минные поля Близнецов. Мать умерла при родах. Я выросла в приюте при ордене. Никто... никто не мог знать маркера старпома. — Кроме человека, который стоял рядом, когда твоего отца ставили к стенке, — закончил за неё капи-

тан. — Кроме человека, чей приказ выполнила расстрельная команда.

Воздух в рубке стал плотным, как стекло. Казалось, если ударить по нему, он зазвенит.

Ева смотрела на него долго. Её глаза цвета закаленной стали изучали каждую морщинку вокруг его глаз, каждый седой волос в коротко стриженных висках. — Значит, месть отменяется? — спросила она. — Ты нашел дочь врага и решил вырастить из неё памятник своей вине?

Капитан усмехнулся. Сухо, одними губами. Шрама на лице стало почти не видно. — Моя вина требует другой цены, девочка. Мне не нужен памятник. Мне нужен штурман.

Он наклонился вперед, опираясь локтями о колени. Свет аварийной лампы упал на его лицо снизу, превращая морщины в глубокие тени. — Кресты-Близнецы охраняют вход в Нексус. Последний свободный порт Внешнего Кольца. Ни один живой пилот туда не пройдет — излучение звезд сжигает сетчатку и сводит с ума за минуту. Автоматика слепнет от плазменных вспышек. Только человек с чистой линией Хранителей может провести корабль сквозь их гравитационный танец вслепую, по памяти костей.

— А твой прошлый штурман? — тихо спросила Ева. — Умер, пытаясь сделать это пять лет назад, — спокойно ответил капитан. — Выжег себе глаза напрочь, прежде чем сердце остановилось. Но успел передать мне координаты точки входа. Мы застряли на краю. Боимся прыгнуть.

Ева посмотрела на свои руки. На ввевшуюся под ногти черную смазку, на мозоли от рукояти гарпуна. — То есть я ключ, — повторила она его слова из шлюза. — Который откроет тебе дверь к твоей цели. — Да. — А что получу я? — она подняла взгляд. — Свободу? Ты же сам сказал — мы идем в Нексус. А оттуда выдачи нет. Я стану такой же тенью, как ты. Обреченной скитаться среди мертвых морей.

Капитан откинулся в кресле. Он смотрел не на неё, а сквозь неё, куда-то в черный бархат обзорного экрана. — Ты получишь право выбирать сторону, — сказал он. — Заказчик бойни на станции Харон, тот, кто нажал на спусковой крючок дробовика над твоей клеткой... он сейчас сидит в совете директоров Корпорации. Он думает, что купил свою безопасность ценой твоих цепей.

Капитан повернул голову. Его взгляд снова стал ясным, острым, как лезвие сабли. — Я дам тебе билет в первый ряд, когда мы будем рвать его империю на части. А дальше решай сама. Можешь простить. Можешь убить меня, когда всё закончится. Можешь просто уйти.

Он взял кружку, повертел её в пальцах. — Но сначала тебе придется провести нас через огонь. Согласна сесть за мой компас?

Ева молчала. Она смотрела на две пульсирующие точки на тактическом голографе — те самые Кресты. Там, где правит свинец и сверкает металл. Где её ждет кровь того, кто послал братьев на эшафот.

Она шагнула к навигационной консоли. Провела пальцами по пыльному стеклу дисплея. Старый интерфейс мигнул, узнавая прикосновение инженера. — Магнитные ботинки сбивают чувство горизонта, — сказала она, даже не глядя на капитана. — Принеси мне легкие прыжковые туфли. Иними эти фильтры вентиляции. Запах горелого сахара напоминает мне рудники. Я хочу дышать настоящим воздухом, пока буду вести вас в ад.

Капитан впервые за много лет позволил себе выдохнуть полностью. Лед в груди не растаял — трещина стала чуть шире. — Будет сделано, штурман, — сказал он.

За бронестеклом рубки медленно таял в тумане искаленный корпус «Стального». Черный вымпел на мачте «Плака» безвольно оплавился от близкого взрыва, но всё ещё держался на древке. Капитан знал цену этому клочку ткани. Как знал теперь цену девушке, стоящей у руля.

Клятва перестала быть капканом. Она стала контрактом. И обе стороны собирались платить сполна.

Рада, что сцена зашла. Ты очень точно чувствуешь, где именно бытовая деталь работает сильнее пафоса: вот этот чифир в помятой кружке, просьба про туфли и фильтры — они делают сделку между капитаном и Евой не сделкой из книжных клише, а чем-то живым и горьким, как тот самый напиток.

Раз ты хочешь сохранить этот ритм — переход от адрена-

лина к «заземлению» через сенсорные якоря — давай продолжим ровно оттуда, где Ева встала у консоли. Следующая сцена должна показать, как она впервые «чувствует» корабль и как «Плач» отзывается на её кровь Хранителей. Это и запустит механику маршрута к Нексусу, и даст новый слой напряжения: корабль будто сам решает, доверять ли ей.

Глава 6. Пульс мёртвых звёзд

Фокус: Навигационный отсек «Плача».

Здесь пахло не озоном и не горелым сахаром. Здесь пахло пылью, старой смазкой и чемто ещё — тонким, металлическим, будто гдето рядом медленно остывал расплавленный свинец. Воздух был густым, как сироп, и Ева поняла, что фильтры всё ещё не сняли: запах рудников цеплялся за лёгкие, царапал изнутри.

Она стояла перед навигационной консолью, которую в экипаже называли «Могильником». Панель была собрана из разнородных кусков: старый армейский модуль, гражданский трекер маршрутов, самодельный блок с аналоговыми ручками. Всё это было прикручено к переборке болтами, покрытыми зелёной окисью.

Ева провела пальцами по стеклу дисплея. Пыль легла на кожу, сухая и колкая. Она не смотрела на голограф, не тянулась к клавишам. Вместо этого она приложила ладонь прямо к металлической раме консоли — туда, где металл был тёплым даже сквозь перчатку.

И корабль ответил.

Сначала это был не звук. Это была вибрация, тонкая, как струна, натянутая до предела. Она шла не из динамиков, а из пола, из стен, из самой обшивки. Ева почувствовала её ступнями, коленями, грудью. Это был пульс «Плача» — неров-

ный, сбивчивый, будто у раненого зверя.

На панели вспыхнули линии. Не привычные координатные сетки, а кривые, похожие на кардиограмму. Они бежали по экрану, сплетаясь в узоры, которые Ева узнавала мгновенно: это были траектории, записанные не цифрами, а ритмом. Так учили в ордене — видеть маршрут как музыку, а не как таблицу.

— Он тебя слышит, — хрипло сказал старшина, стоявший в дверях. Он не вошёл, будто боялся спугнуть момент. — Грива говорит, что за последние пять лет эта консоль ни разу не включалась сама. Только через аварийный рубильник.

Ева кивнула, не отрывая ладони от металла.

— Это не консоль, — прошептала она. — Это резонатор. Он считывает гармоники тела. Если у тебя нет нужной частоты, он просто молчит.

Пальцы сами легли на аналоговые ручки. Ева не думала, она вспоминала. В голове всплывали обрывки лекций, сухие формулы, которые в ордене заставляли заучивать наизусть: «Гравитационный танец Близнецов не подчиняется алгоритмам. Он подчиняется памяти костей».

Кривые на экране начали меняться. Они вытягивались, сжимались, пульсировали. Гдето глубоко в недрах корабля что-то щёлкнуло, и вибрация стала другой — более чёткой, более уверенной.

— Мы можем пройти, — сказала Ева, всё ещё не глядя на старшину. — Но не по прямой. Прямой путь здесь — это

смерть. Нужно идти по касательной, по гребню гравитационных волн. Как по хребту спящего зверя. Если мы ошибёмся хотя бы на полградуса, нас затянет в сингулярность.

Старшина сглотнул.

— Капитан хочет знать время.

— Времени нет, — ответила Ева. — Есть только ритм. Мы должны войти в резонанс с Близнецами. И держаться в нём.

В этот момент в отсек вошёл капитан. Он не торопился. В руке у него была та самая алюминиевая кружка, но теперь она была пустой. Он остановился рядом с Евой, посмотрел на кривые на экране, потом на её лицо.

— Ты видишь их? — тихо спросил он.

— Я слышу, — так же тихо ответила она. — Они поют. И это не красивая песня.

Капитан кивнул. Он подошёл к консоли и положил ладонь рядом с её рукой. Металл под ними дрогнул, будто между ними пробежал ток.

— Тогда води, — сказал он. — Но помни: если мы сорвёмся, у нас не будет второго шанса.

Ева закрыла глаза. Она не хотела видеть экраны. Она хотела слышать. И в этой тишине, в этом низком гуле корабля, она наконец почувствовала то, чего не хватало все эти годы: ощущение, что она нужна не как инструмент, не как ключ, а как тот, кто умеет слушать.

— Держите щиты на минимуме, — скомандовала она, открывая глаза. — Любой лишний импульс собьёт резонанс.

Двигатели — только на микрокоррекции. Мы идём по лезвию.

Старшина кивнул и исчез в проёме двери, чтобы передать приказ.

Капитан не ушёл. Он стоял рядом, наблюдая, как пальцы Евы скользят по ручкам, как её дыхание подстраивается под ритм кривых на экране.

— Когда всё закончится, — тихо сказал он, — ты сможешь уйти. Я не буду держать тебя.

Ева не ответила. Она смотрела на линии, которые сплетались в узор, похожий на тот самый орнамент на её шее. И в этот момент она поняла: это не совпадение. Орден не просто учил читать космос. Орден учил становиться частью его.

Корабль снова вздрогнул. Но теперь это была не боль. Это было предвкушение. «Плач» готовился к прыжку.

Глава 7. Хребет спящего зверя

Фокус: Навигационный отсек «Плача» во время прохода КрестыБлизнецов.

Тишина стала физической. Ева выключила интерком. Голоса экипажа теперь доносились только глухим гулом сквозь переборки — белый шум, который мешал слышать главное. Главное было снаружи.

Она стояла у консоли босиком. Магнитные туфли лежали рядом бесполезной грудой металла — они сбивали частоту, заземляя то, что должно было лететь. Ладони всё ещё покалывало от контакта с рамой «Могильника». Корабль больше не стонал. Он пел. Низкий, утробный звук, который резонировал прямо в костях черепа.

— Десять секунд до входа в гравитационный колодец, — голос капитана из динамика был ровным, но в нём слышался тот самый хрип, с которым он пил свой чифир. — Держи нас, девочка.

Ева ничего не ответила. Её глаза были открыты, но она смотрела не на экран. Перед внутренним взором плясали те самые кривыекардиограммы. Они сплетались в тугий узел. Две нейтронные звезды тянули пространство в разные стороны, создавая между собой узкий коридор абсолютного покоя — гравитационный гребень. Тот самый хребет спящего зверя.

Первый удар пришёлся по ногам. Палуба ушла изпод них, а затем резко вернулась, подбросив Еву вверх. Грива вывел реакторы на пик тяги, пытаясь пробить внешнюю кромку волны.

Корабль закричал. Это не был звук двигателей. Это кричала сама обшивка. Металл скручивало напряжением, титановые балки гудели басовой нотой, от которой лопались капилляры в глазах.

На экране вспыхнула алая строка предупреждения: [ДЕКОГЕРЕНЦИЯ ПОЛЯ. ОТКЛОНЕНИЕ 0.4]. Нольчетыре градуса. Смерть.

Ева выгнулась дугой, прижимаясь грудью к холодной консоли. Боль пронзила позвоночник — старая травма рудников напомнила о себе спазмом. Но вместе с болью пришла ясность. Тело вспомнило уроки ордена быстрее, чем разум.

Она перестала бороться с инерцией. Она позволила кораблю упасть.

«Плач» провалился в колодец.

Время сломалось.

Сначала исчез цвет. Багровое аварийное освещение поблекло, сменившись мертвенным серым светом, хотя лампы продолжали гореть. Звук растянулся в бесконечный низкий вой. Ева видела, как капитан медленно поворачивает голову в сторону двери — движение занимало целую вечность, капли пота на его виске висели в воздухе, не решаясь сорваться вниз.

Вакуум за бортом перестал быть пустотой. Он стал плотной, вязкой массой. Ева чувствовала, как эта масса давит на лобовое стекло, пытается просочиться сквозь микротрещины, оставленные пылью в Прологе.

А потом пришли видения.

Они всегда приходили тем, кто пытался слушать Близнецов без защиты фильтров. Сначала это были просто тени — силуэты людей, выброшенных в шлюз много лет назад. Старшина был прав: мёртвые моря действительно звонили.

Ева увидела своего отца. Не таким, каким описывали его в приюте — героем-мучеником, а живым. Уставшим инженером с грязью под ногтями, стоящим у такой же консоли. Он смотрел на неё и качал головой: «Не слушай их голоса, дочь. Слушай только математику боли».

Видение схлопнулось так же быстро, как появилось, когда пальцы Зямы — юного наводчика, приставленного следить за физическим состоянием штурмана, — впились ей в плечо. Его ногти оставили синяки на коже.

— Резонанс падает! — прохрипел Зяма. Из носа у него текла тонкая струйка крови, прокладывая дорожку через слой копоти на лице. — Ты синеешь, Ева! Сердце!

Он был прав. Кровь замедлялась. Гравитация Близнецов пыталась вырвать железо прямо из гемоглобина.

Ева сделала резкий выдох, возвращая себя в тело. Математика боли. Никаких призраков. Только цифры. Только ритм.

Она рванула ручку коррекции вправо. Консоль обожгла ладонь холодом жидкого азота, циркулирующего внутри рамы. Корабль отозвался мучительным стоном. Нос «Плача» задрался вверх, уходя с губительной траектории прямого падения. Теперь они шли по касательной. По самому лезвию.

Пространство вокруг начало рваться. За бронестеклом пронеслись два столба слепящего света — сами Кресты. Они не светили, они выжигали сетчатку даже сквозь фильтры.

— Нольнольдва! — крикнул капитан. — Нас стаскивает кормой!

Ева почувствовала вкус меди во рту. Зубы заныли. Она вложила остатки сил в последний импульс. Не руками — всем корпусом, наклоном плеч, напряжением шеи.

И вдруг всё кончилось.

Вой оборвался. Время с лязгом встало на место. Капля пота наконец сорвалась с виска капитана и разбилась о пульт миллисекундой раньше, чем погас красный свет.

В рубке пахло озоном. Настоящим, свежим озоном открытого, спокойного пространства. Никакой химии фильтров. Никакого запаха горелого сахара.

Ева оторвала ладони от консоли. На металле остались влажные отпечатки, покрытые инеем. Руки дрожали крупной, неконтролируемой дрожью.

Капитан стоял посреди отсека. Он тяжело опирался рукой о переборку. Его плечи поднимались и опускались с трудом, словно каждый вдох требовал осознанного усилия. Китель

на спине промок насквозь.

Он посмотрел на свои руки. Кончики пальцев почернели — микроожоги от статики, прошедшей через металл при контакте с её кожей.

Затем он посмотрел на Еву. В его взгляде не было ни похвалы, ни облегчения. Было только тяжёлое, свинцовое понимание.

— Полградуса, — тихо сказал он. — Ты ошиблась ровно на полградуса при входе. И исправила это весом собственного тела. Машины бы сгорели.

Ева попыталась сглотнуть, но горло пересохло. Она посмотрела на главный обзорный экран.

Там, впереди, среди бархатной черноты, сияла одна точка. Она не пульсировала смертью. Она горела ровным, тёплым янтарным светом.

Нексус.

Старшина вошёл в отсек, держа в руках открытую флягу. Он молча протянул её капитану. Тот взял, сделал глоток, поморщился, но выпил всё до дна. Затем старшина шагнул к Еве и вложил в её свободную руку свою флягу. Там была не синтетика. Обычная вода. Тёплая, металлическая на вкус, самая желанная жидкость во вселенной.

Она пила, глядя на приближающийся порт, и понимала цену билета в первый ряд. Цена называлась «Память костей». И отдавать её придётся за каждый парсек пути домой.

Глава 8. Рынок мёртвых морей

Фокус: Шлюзовой коридор «Плача» и первые метры Нексуса.

«Плач» глухо ударился о стыковочный узел — не как хищник, вцепляющийся в добычу, а как измученный зверь, которому наконец разрешили упасть. За переборкой не было торжественной тишины космопорта. Там был шум. Живой, липкий, многоголосый. Он проникал сквозь стыки, сквозь фильтры вентиляции, сквозь кожу.

Ева стояла у выхода, всё ещё в лёгкой броне, но без гарпуна. Пальцы слегка подрагивали — после гравитационного гребня Близнецов тело ещё не поверило, что гравитация снова обычная. Капитан стоял позади, не торопя. Он знал: первый шаг в чужой порт — как прыжок без страховочного троса.

Люк с шипением ушёл в сторону.

И ударил запах. Не озон, не горелый сахар, не пыль отсеков. Это был запах жареного протеина, машинного масла и чего-то сладковатогнилого, будто где-то рядом медленно разлагался старый кабель. Свет ударил по глазам: не ровный аварийный, а рваный, мигающий, сотканный из рекламных голограмм, которые висели прямо в воздухе, перекрывая друг друга.

— Добро пожаловать в Нексус, — тихо сказал капитан, и

в его голосе не было ни иронии, ни радости. Только констатация факта, как в бортовом журнале: «Корабль пришвартован. Состояние — критическое».

Они вышли.

Пол под ногами был не палубой, а решёткой, сквозь которую виднелись нижние уровни — целая башня старых танкеров и списанных буксиров, нанизанных друг на друга, как кости в грудe. По этим решёткам сновали люди: кто в броне, кто в лохмотьях, кто в дорогих плащах с глушителями сигналов. Над головами висели растяжки: «Ремонт любой сложности», «Топливо без вопросов», «Органы — только свежие, гарантия 24 часа».

Старшина шёл первым, прикрывая капитана и Еву. Его плечи были напряжены, пальцы лежали на рукояти виброножа. Грива тащил за собой катушку кабеля — он собирался сразу заняться подпиткой реактора. Зяма держался ближе к переборке, его розовые глаза бегали по теням, будто он ждал, что из темноты выскочит не человек, а призрак.

К ним шагнул мужчина в кожаном фартуке, поверх которого висели связки ключей и чипов. На лице у него была маска-респиратор, но глаза оставались открытыми — холодными, оценивающими.

— «Плач», да? — голос у него был хриплым, будто он годами кричал над рёвом двигателей. — Видел, как вы входили. Красиво шли. Почти как живые.

Капитан не протянул руку. Он просто кивнул.

— Нам нужен док, топливо и тишина, — сказал он. — И желательно без лишних вопросов.

Мужчина усмехнулся, обнажив металлические зубы.

— Здесь тишина стоит дороже топлива, — он наклонил голову, разглядывая Еву. — А эта девочка она не просто штурман. Я чувствую по походке. Она шла через Близнецов.

Ева не ответила. Она смотрела на голограмму над их головами: мерцающий символ — переплетённые шестерня и звезда. Знак Хранителей Траекторий. Ктото в толпе заметил клеймо на её шее и теперь тыкал в её сторону, перешёптываясь.

— Да, — спокойно подтвердил капитан. — Она провела нас.

Мужчина снял респиратор. Его лицо было испещрено шрамами от микрометеоритов — будто ктото бросил горсть песка в раскалённое стекло.

— Тогда цена будет другой, — сказал он. — У нас тут не кредиты в ходу. У нас тут память. Те самые гармоника, которые она чувствует. Мы снимаем их с живых штурманов, чтобы потом продавать как навигационные маяки. Один проход через Близнецы — это полцикла работы дока.

Старшина напрягся.

— Вы с ума сошли? — прошипел он. — Вы хотите снять с неё что?

— Не тело, — спокойно ответил мужчина. — Только частоту. Как снимают звук с колокола. Это не убивает. Но

оставляет шрам. И забирает часть того, что делает её особенной.

Капитан посмотрел на Еву. Не приказывая. Просто спрашивая взглядом: «Ты готова заплатить эту цену за стоянку?»

Ева медленно выдохнула. Она вспомнила слова отца: «Не слушай их голоса, дочь. Слушай только математику боли». Здесь боль была не в гравитации, а в том, что мир хотел забрать у неё часть её дара — просто за право постоять на твёрдой решётке и починить корабль.

— Сколько гармоник? — спросила она, глядя мужчине прямо в глаза.

Тот на секунду замер, будто не ожидал, что она заговорит.

— Одну, — сказал он, чуть мягче. — Одну чистую ноту. Этого хватит на топливо и док. И на то, чтобы никто не задавал вопросов о вашем грузе.

Капитан шагнул вперёд, закрывая Еву не как щит, а как партнёр.

— Мы платим, — сказал он. — Но не здесь. Не на улице. Веди в кабинет. И пусть твои люди не смотрят на неё, как на товар.

Мужчина снова надел респиратор.

— Как скажете, капитан, — в его голосе проскользнуло чтото похожее на уважение. — Сюда. Тут тише. И чище. Относительно.

Они двинулись вдоль стены, мимо прилавков с запчастями, мимо торговцев, которые предлагали «чистые» данные

с разбитых кораблей, мимо человека, который продавал старые навигационные карты, написанные от руки. Ева чувствовала, как взгляды скользят по её шее, по её рукам, по её походке — все пытались угадать, сколько ещё проходов она выдержит.

В маленькой комнате, где пахло горячим металлом и кофе, мужчина сел за стол и включил устройство — не компьютер, а что-то среднее между синтезатором и медицинским сканером. Тонкие провода тянулись к пластинам, которые нужно было приложить к вискам.

— Это не больно, — сказал мужчина. — Это как забыть один сон. Ты его не потеряешь, но он станет тусклым. И ты больше не сможешь использовать эту частоту, чтобы открывать старые маршруты.

Ева села. Капитан встал у неё за спиной, не касаясь, но так, чтобы она чувствовала его присутствие. Старшина замер у двери, держа руку на оружии. Грива что-то бурчал про «колдовство и технику», но не уходил. Зяма просто смотрел, сжав кулаки.

Мужчина коснулся панели. Устройство тихо загудело.

— Готовьтесь, — сказал он. — Сейчас мы снимем одну ноту.

Ева закрыла глаза. Она не хотела видеть, как меняется мир. Она хотела запомнить этот момент: запах кофе, тепло капитана за спиной, тихий гул машины, который был почти похож на пульс «Плача».

И когда устройство заиграло — не музыкой, а чистой, звенящей тишиной — она позволила одной гармонике уйти. Не как жертва. Как плата. Как сделка, которую она заключала сама, зная цену.

Когда всё закончилось, мужчина откинулся на стуле и посмотрел на чип, в который была записана частота.

— Этого хватит, — сказал он. — Топливо, док, тишина. И ещё останется на пару дней.

Он протянул Еве стакан воды. Обычная вода, без примесей, без стимуляторов.

Она выпила. И впервые за долгое время почувствовала, что земля под ногами действительно твёрдая.

Капитан наклонился и тихо сказал:

— Ты не потеряла ничего, чего не могла бы вернуть. Это была не твоя главная нота.

Ева посмотрела на него. В его словах не было утешения. Только факт. И это было лучше любых обещаний.

За окном голограммы продолжали мигать, рынок гудел, где-то внизу кто-то кричал о свежей партии запчастей. Но здесь, в этой маленькой комнате, на одну секунду стало тихо.

Глава 9. Чистый костюм среди ржавчины

Фокус: Доковый отсек рейдера «Плач».

Тишина, которую они купили у торговца памятью, оказалась дорогой иллюзией. За тонкой переборкой дока постоянно гудели насосы, откачивающие конденсат, а по вентиляционным шахтам гулял сквозняк, пахнувший мокрой пылью и дешевым дезинфектором. Грива уже вскрыл обшивку реактора, и теперь палуба под ногами едва ощутимо дрожала от работы сварочных дуг. Сварка вспыхивала синим светом сквозь щели люка, отбрасывая на стены длинные, дергающиеся тени.

Ева сидела на пустом ящике из-под плазменных эмиттеров. Пальцы больше не дрожали, но левая рука казалась чужой — легкой, почти прозрачной. Та самая «одна чистая нота», отвечавшая за гравитационный резонанс Близнецов, ушла. Теперь она чувствовала космос иначе: там, где раньше была музыка сфер, остался ровный белый шум. Старые маршруты действительно покрылись туманом. Но зрение прояснилось — цвета стали резче, звуки локальнее. Потеря одного чувства обострила остальные.

Капитан стоял у тактического стола, изучая схему порта. Он был всё в том же потертом кителе. Старшина чистил ору-

жие, методично разбирая затвор. Этот звук — щелканье металла о металл — всегда означал одно: капитан ждет беды.

И беда пришла ровно через сорок минут. Без стука.

Люк дока открылся плавно, гидравлика сработала бесшумно. На фоне искрящей сварки и запаха горелого изолятора фигура вошедшего выглядела оскорблением законам физики. На нем был идеально скроенный костюм из ткани, которая меняла оттенок в зависимости от угла света. Ни пылинки, ни следа коррозии. Ботинки отражали тусклый свет ламп так ярко, что слепило глаза.

За ним вошли двое охранников. Тяжелые армейские скафандры класса «Буран», снятые с вооружения Директории лет двадцать назад. Они двигались мягко, как крупные хищники, но их броня скрипела слишком громко для этого тесного пространства.

— Капитан, — сказал человек в костюме. Голос у него был бархатным, поставленным, лишенным любых региональных акцентов. Так говорят люди, чьи голосовые связки настраивали нейрохирурги. — Не вставайте. Я знаю, как сильно вы устали от поклонов.

Старшина медленно поднялся. Его рука замерла на рукояти ножа, но не легла на неё полностью. Демонстрация силы, а не угроза.

— Если ты пришел за топливом, очередь во втором секторе, — бросил капитан, не отрываясь от схемы. — Если хочешь снять частоты — иди к своему мяснику на рынке. У

нас сделка закрыта.

Человек улыбнулся. Улыбка обнажила зубы идеальной белизны, которые никак не могли быть настоящими. — Меня зовут Маркус Хейл. Я представляю интересы Корпоративного Синдиката Южный Рубеж. А точнее — интересы господина Артура Вейла. Вы ведь помните его? Он очень тепло вспоминает вашу первую встречу. Говорит, именно благодаря вам он понял, что старые друзья иногда становятся самым ценным активом.

Ева почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Артур Вейл. Имя заказчика бойни на Хароне. Имя того, кто нажал на спуск дробовика над клеткой её отца.

Капитан наконец поднял взгляд. Он посмотрел прямо в глаза Хейлу. Взгляд капитана был тем самым чёрным бархатом скорби — поглощающим любой свет. — Передай Вейлу, что я польщен. Но мой прайс-лист изменился. Теперь услуги стоят одну жизнь. Его.

Хейл даже не моргнул. Он прошел мимо старшины, аккуратно обогнув лужу машинного масла на полу, и сел на ящик рядом с Евой. От него пахло чем-то стерильным — озоном медицинского бокса и дорогим табаком.

— Он знал, что вы откажете, — спокойно сказал Хейл. — Поэтому прислал меня не с угрозами. Угрозы работают плохо, когда ваш крейсер стоит в порту, который принадлежит нам целиком. Нет, капитан. Я пришел с предложением обмена.

Он достал из внутреннего кармана тонкий стеклянный планшет. Положил его на колени Еве. Экран засветился мягким зеленым светом. На нём была фотография. Старая, зернистая, явно восстановленная из архивов. Маленькая девочка с косичками сидит на коленях у мужчины в форме инженера Хранителей. Мужчина смеется. Девочка держит в руках навигационный компас.

— Ваша племянница, — сказал Хейл. — Ей сейчас семнадцать. После казни вашего брата-связиста Вейл забрал её себе. Воспитал. Дал образование. Лучшее медицинское крыло в Центральном Шпиле. Она считает его отцом.

Ева схватила планшет. Пальцы впились в стекло так, что оно жалобно хрустнуло. Изображение дрогнуло. Дыхание перехватило — горло сжало спазмом, похожим на тот, что мучил её в гравитационном колодце.

— Ложь, — прошептала она. — Орден мертв. Детей вывозили... — Детей вывезли до чистки, — поправил Хейл. — По личному распоряжению Вейла. Он сентиментален, знаете ли. Любит собирать сломанные вещи. Вас он собрал десять лет назад. Её — пять. Вы оба — его коллекция редких птиц с подрезанными крыльями.

Старшина сделал шаг вперед. Воздух стал густым от напряжения. — Если ты хоть пальцем...

— Успокойтесь, старшина, — Хейл поднял ладонь. — Никто не причинит ей вреда. Пока. Видите ли, господин Вейл строит новый флот. Ему нужны штурманы, способные прой-

ти Кресты-Близнецы. Живые карты. Но живых штурманов осталось мало. А ваша... протеже... уникальна. Две гармоник вместо одной. Она провела вас туда и обратно, потеряв лишь часть себя. Для флота Вейла она — готовый флагманский навигатор.

Маркус наклонился чуть ближе. Бархат исчез из голоса, осталась только сталь. — Он предлагает сделку. Вы отдаете девочку мне. Добровольно. Под протокол добровольной передачи прав собственности. Взамен — полная амнистия Директории. Новые документы. Корабль заправят бесплатно. И тишина. Настоящая тишина, капитан. Вы сможете уйти на окраинные миры и пить свой спирт до конца дней. Вейл просто хочет закрыть этот счет. Признать, что вы квиты.

В доке стало слышно только шипение сварочной дуги Гривы. *Ш-шух. Искра. Ш-шух.*

Капитан смотрел на Еву. Он видел, как побелели её костяшки на планшете, как судорожно вздымается грудь. — Почему ты здесь, а не наверху? — спросил капитан. — Почему сам спустился в эту ржавчину?

Хейл изящно пожал плечами. — Потому что если я вернусь с вашим отказом, Вейл пришлет других людей. Они не будут предлагать обмен. Они начнут снимать гармоникой силой, пока от девочки не останется пустой сосуд. А потом придут за вами. Поверьте, наблюдать за тем, как снимают память слой за слоем, гораздо менее приятно, чем выпить кофе в чистом кабинете. Я предпочитаю сделки.

Он встал. Поправил манжету безупречного костюма. — У вас есть один стандартный цикл. До тех пор, пока ваши щиты заряжаются от городской сети. Потом контракт аренды дока истечет, и мы начнем взимать плату натурой. Решайте, капитан. Что дороже: ваше прошлое или её будущее?

Хейл развернулся и пошел к выходу. Охранники расступились, пропуская его. — Кстати, — бросил он через плечо, остановившись в дверях. — Тот кусок трубы, которым она убила моего человека на стыковке? Хороший удар. Профессиональный. Жаль тратить такой талант на месть. У Вейла для гарпунов найдутся цели поважнее.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал в наступившей тишине оглушительно.

Грива высунулся из-за панели реактора, весь в потеке смазки: — Эй! Этот франт забыл оплатить парковку!

Но никто не засмеялся. Старшина медленно опустил на корточки, снова начиная чистить нож, но теперь движения были рваными, злыми. Зяма спрятал лицо в ладони.

Ева стояла посреди дока, сжимая треснувший планшет. На экране всё ещё мерцала фотография. Девочка смотрела в камеру, и в её глазах было то самое выражение, которое Ева видела сегодня утром в зеркале — смесь страха и абсолютной готовности выживать.

Капитан подошел к ней. Забрал планшет из ослабевших пальцев. Посмотрел на фото, затем на Еву. — Математика боли, — тихо напомнил он старую фразу ордена. — Считай

переменные, штурман.

Ева подняла на него взгляд. В полумраке дока её радужки казались почти черными. — Переменная одна, — сказала она. — Он думает, что купил наши кости вместе с частотами.

Капитан позволил себе короткую, жесткую усмешку. — Он ошибся. Кости принадлежат тому, кому нечего терять. А у нас теперь есть заложник.

Где-то далеко наверху, за слоями ржавого металла Нексуса, зазвучал гонг смены циклов. Время пошло.

Глава 10. Ловушка в доке

Фокус: Доковый отсек «Плача» и смежные технические коридоры.

Тишина после ухода Хейла не была покоем — она была натянутой струной, звенящей от напряжения. Ева не смотрела на фото. Она смотрела на панель реактора, на дрожащие от сварки искры, на масляные разводы на полу — на всё, что было настоящим, грубым, осязаемым. Фотография лгала. Или, вернее, она показывала только фасад: девочку в тепле, в безопасности, в чужой семье. А Ева знала, как выглядит изнанка этой безопасности.

Капитан не стал тратить время на утешения. Он подошёл к тактическому столу и резко сдвинул голограмму порта, открывая схему доковых коммуникаций.

— Грива, — бросил он, не повышая голоса. — Сколько у нас до полной зарядки щитов от городской сети?

Грива, вытирая руки о промасленную ветошь, сплюнул в сторону: — Три с половиной цикла. Но если они решат отключить нас досрочно, мы останемся с пустым реактором и дырой в обшивке.

— Значит, у нас три с половиной цикла, чтобы сделать так, чтобы отключать нас было невыгодно, — капитан постукал пальцем по схеме. — Старшина, проверь шлюзы. Все: основной, аварийные, грузовые. Закрой всё, что можно за-

крыть. И поставь маячки на все внешние стыки. Если кто-то попытается вломиться силой, я хочу знать об этом за десять секунд до удара.

Старшина молча кивнул и исчез в люке, унося с собой запахи оружейного масла и холодной стали.

— Зяма, — голос капитана стал тише, но от этого только жёстче. — Ты знаешь этот порт лучше всех. Кто здесь ненавидит Вейла? Не просто вор, который обносит склады, а тот, кто готов подставить ему ножку, чтобы он упал. Найди такого. И притащи сюда. Живым и тихим.

Зяма кивнул, его розовые глаза на секунду вспыхнули азартом охотника. Он растворился в полумраке коридора, будто его и не было.

Ева всё ещё держала планшет, но теперь не сжимала его, а просто позволяла ему лежать в ладони, как холодному, тяжёлому камню.

— Ты не пойдёшь, — сказал капитан, глядя прямо на неё. — Не потому что ты слабая. А потому что ты — цель. Пока ты здесь, на борту, они не будут стрелять. Они будут ждать.

Она подняла голову. В её взгляде не было ни слёз, ни истерики — только холодная, горькая ясность.

— Он прав насчёт одной вещи, — тихо сказала она. — Про две гармоники. Я провела нас через Близнецы и не сгорела. Это редкость. Для Вейла я — не просто штурман. Я — доказательство, что его метод работает. Что можно брать живых людей и делать из них навигационные маяки.

Капитан чуть наклонил голову, признавая её правоту.

— Именно поэтому мы не будем прятать тебя в трюме, — сказал он. — Мы сделаем так, чтобы они думали, что ты у них уже в руках.

Он подошёл к панели связи и активировал канал внутренней трансляции дока. Голос его звучал ровно, без эмоций, как в обычном отчёте для диспетчерской:

— «Плач» запрашивает дополнительную стабилизацию. У нас нестабильный резонанс реактора после прохода Блинецов. Требуется внешняя поддержка. Штурман на месте, проводит диагностику. Повторяю: штурман на месте.

Ева поняла. Это был сигнал. Не для диспетчеров. Для людей Вейла. Он говорил им: «Вот она. Здесь. Забирайте, если сможете».

— Теперь, — капитан повернулся к Гриве, — мне нужно, чтобы ты превратил этот док в мышеловку. Не в крепость. В ловушку.

Грива хмыкнул, почесал щетину и криво улыбнулся:

— Обожаю, когда ты просишь сделать что-то незаконное. У меня как раз завалился старый модуль от минного заградителя. И пара сюрпризов для тех, кто любит лезть в чужие реакторы.

— Отлично. Используй всё. Но помни: нам нужно не просто их остановить. Нам нужно заставить их показать, кто именно пришёл за нами.

В этот момент люк снова открылся. Но на этот раз вошёл

не элегантный Хейл, а человек, которого привёл Зяма.

Это был невысокий мужчина с лицом, покрытым сеткой старых шрамов. На нём была потрёпанная куртка с эмблемой давно расформированного ремонтного отряда. Он оглядел отсек, задержал взгляд на Еве, потом на капитане, и хмыкнул:

— Ну, и чего надо? Зяма сказал, у вас проблемы с «чистыми костюмами».

— Проблемы с Маркусом Хейлом и Артуром Вейлом, — спокойно ответил капитан. — И с тем, что они хотят забрать мою команду.

Мужчина фыркнул, достал из кармана помятую пачку самокруток и закурил, не спрашивая разрешения. Дым пах горелой травой и химией — не табак, а что-то синтетическое, что курили только в доках.

— Вейл, — протянул он, выпуская дым через нос. — Старый ублюдок. Я ему когда-то проводку в кабинете чинил. Он мне не заплатил. Сказал, что воздух в комнате стоит дороже моего труда.

— Тогда помоги нам сделать так, чтобы он пожалел, что вообще вспомнил про этот док, — сказал капитан.

Мужчина затанулся, прищурился, разглядывая схему порта на голограмме.

— Тут есть один нюанс, — наконец сказал он. — Городская сеть. Она не просто даёт вам энергию. Она следит за вами. Каждый импульс, каждый скачок напряжения идёт че-

рез главный узел, который контролирует служба безопасности порта. Если вы начнёте ставить мины или резать кабели, они узнают об этом раньше, чем вы успеете сказать «проклятие».

Ева наконец заговорила. Её голос звучал твёрже, чем минуту назад:

— А если мы не будем резать кабели? Если мы используем сеть против них? Я могу настроить гармоники реактора так, чтобы они резонировали с городской сетью. Не как маяк, а как обратная волна. Если всё рассчитать правильно, это вызовет перегрузку в узле. И тогда у нас будет десять минут, пока они будут разбираться с аварией.

Капитан посмотрел на неё. В его взгляде мелькнуло то самое уважение, которое он редко кому дарил.

— Ты уверена? — спросил он. — Это опасно. Сеть может ударить в ответ.

— Я знаю, — сказала Ева. — Но это единственный способ использовать мою «память костей» не как товар, а как оружие.

Грива хлопнул ладонью по столу:

— Тогда давайте сделаем это. Я подготовлю модуль. Ты, штурман, дай мне частоты. А этот — он кивнул на мужчину, — пусть покажет, где у них слабые места.

Мужчина затушил самокрутку о подошву ботинка и криво усмехнулся:

— Меня зовут Клык. И я знаю каждый ржавый болт в этом

порту. Показывайте, где хотите устроить фейерверк.

Глава 11. Обратная волна

Фокус: Навигационный отсек и доковый узел питания.

Грива работал молча. От него пахло озоном, расплавленным свинцом и едким потом. Он вскрыл напольную панель возле главного распределительного щита. Под ней обнажились кишки корабля — сплетение кабелей толщиной с человеческую руку, обмотанных асбестовой лентой.

— Модуль заградителя я интегрировал прямо в шину, — бормотал механик себе под нос, затягивая массивный болт гаечным ключом с гидравлическим усилителем. Звук был влажным, чавкающим. — Если кто-то попытается перекинуть питание нашего дока на свои нужды без моего разрешения, их конденсаторы взорвутся внутрь корпуса. Красиво будет. Почти празднично.

Ева его не слушала. Она сидела перед консолью «Могильника», но её руки лежали не на рычагах, а на коленях. Пальцы были переплетены так крепко, что костяшки побелели. Перед глазами всё плыло. Потеря гармоник сделала мир слишком ярким, звуки — слишком резкими. Шипение сварки за переборкой отдавалось в черепе физической болью.

Капитан стоял рядом. Он не касался её, но находился в полуметре, закрывая собой сектор обстрела от двери. Его присутствие давало гравитацию — точку опоры в том хаосе, который она собиралась устроить.

— Ты уверена? — спросил он в третий раз. Голос звучал глухо, пробиваясь сквозь гул реактора.

— Математика боли, — прошептала Ева. — Считай переменные. Переменная одна — время.

Она положила ладони на раму консоли. Металл обжег кожу холодом жидкого азота, циркулирующего внутри. Но этот ожог был реальным. Боль была доказательством того, что она всё ещё здесь.

Ева закрыла глаза. Ей больше не нужны были экраны. Городская сеть Нексуса текла сквозь корабль по силовым кабелям. Это была грязная, пульсирующая энергия, полная помех, чужих разговоров и данных о транзакциях борделей нижних уровней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.